

Бефани Анжела Анатольевна

кандидат психологических наук, доцент

Кафедра социальной и прикладной психологии

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

ЯВЛЕНИЯ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье раскрыто содержание важной составляющей предмета социальной психологии — закономерностей таких явлений обыденного сознания, как социально-перцептивные феномены, атрибутивные процессы, имплицитные теории личности, социальные представления.

Ключевые слова: обыденное сознание, социально-перцептивные феномены, каузальная атрибуция, имплицитная теория личности, социальное представление.

Обыденное сознание с его устоявшимися характеристиками сложилось в период стабильной жизнедеятельности людей. Но современный человек живет в быстро меняющемся мире, в котором утверждаются новый образ мышления, плюрализм мнений, формируются новые понятия, представления, оценочные суждения.

Под влиянием бурного развития средств массовой информации источником суждений здравого смысла все чаще становятся научные по происхождению знания, усвоенные людьми и трансформированные ими в качестве ориентиров обыденного опыта.

Научная социальная психология призвана исследовать закономерности и механизмы различных феноменов обыденного сознания, проследить их стремительные изменения в реалиях сегодняшнего дня для того чтобы помочь людям избавиться от искажений и ошибок в познании окружения и самих себя, обеспечить эффективное социальное взаимодействие в меняющихся условиях.

Цель данной статьи — раскрыть содержание важной составляющей предмета социальной психологии — закономерностей явлений познания социального мира «обыденным» человеком.

Обыденное сознание часто рассматривается в литературе в качестве синонима практического разума, здравого смысла и т. п.

Философское определение обыденного сознания сформулировал Т. И. Ойзерман, обозначивший его как «сложное, многослойное, противоречивое образование, складывающееся из совокупности привычных (постоянно воспроизводимых непосредственными условиями жизни) восприятий, переживаний, представлений, понятий, которые возникают частью стихийно, частью под влиянием воспитания, обучения, личного опыта» [11, 119].

По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, обыденное сознание является знанием особого рода — «дотеоретическим знанием», которое включает в себя

«совокупность правил поведения, моральных принципов и представлений, пословицы и поговорки, ценности и верования...» [3, 109].

Обыденное мышление направлено не на решение отвлеченных проблем, а на обслуживание потребностей каждого дня. Правила и закономерности такого мышления кажутся людям само собой разумеющимися, они свободно ими пользуются в зависимости от требований момента.

Бергер и Лукман выделяют, в частности, следующую важнейшую особенность знаний людей о повседневной жизни: они обязательно носят интересубъективный разделённый с другими людьми характер.

Для анализа многообразных явлений обыденного сознания можно структурировать их следующим образом:

- социально-перцептивные феномены;
- атрибутивные процессы;
- имплицитные теории личности;
- социальные представления.

Традиция исследования социально-перцептивных явлений — одна из наиболее устойчивых и значимых в социальной психологии. Было всесторонне обосновано, как разворачивается процесс восприятия обыденным наблюдателем другого человека по его внешним признакам (по физическим качествам, оформлению внешности, поведению), как наблюдатель оценивает воспринятые качества и явления, как строит свои умозаключения о внутренних, психологических свойствах наблюдаемого лица, как формирует к нему определенное эмоциональное отношение, как прогнозирует его возможное поведение и, наконец, самое главное — как наблюдатель строит собственную стратегию поведения по отношению к партнеру. Был эмпирически доказан субъект-субъектный характер социальной перцепции.

Суть процесса восприятия и понимания человека человеком следующим образом обозначил С. Л. Рубинштейн: «В повседневной жизни, общаясь с людьми, мы ориентируемся в их поведении, поскольку как бы «читаем» его, то есть расшифровываем значение его внешних данных и раскрываем смысл... текста в контексте, имеющем свой внутренний, психологический план» [15, 180].

Особенно глубоко психологами проработан вопрос о формировании первого впечатления наблюдателя о другом человеке. Было исследовано содержание типовых схем получения первого впечатления, которые запускаются тремя факторами — превосходства, привлекательности и сходства наблюдателя и наблюдаемого лица [9]. Показано, что основным механизмом, работающим при первом восприятии другого человека, является стереотипизация, позволяющая обыденному наблюдателю быстро и в определенной мере надежно категоризировать, упростить социальный мир, чтобы сделать его понятным и прогнозируемым.

Категоризировав объект определенным образом, наблюдатель воскрешает в памяти конкретные данные и стереотипы, которыми и руководствуется при формировании своих ожиданий. Значение стереотипов в процессе возникновения у обыденного наблюдателя суждений о другом человеке

было экспериментально доказано в исследованиях Дж. Дарли и П. Гросс, Р. Розенталя и Л. Якобсон и др. [2, 138–140].

В целом обыденному сознанию присущ когнитивный консерватизм. Всесторонне исследован феномен так называемой «погрешности подтверждения», то есть тенденции наблюдателя находить подтверждение своим первоначально сформировавшимся впечатлениям, установкам, догадкам. Люди не только склонны искать подобное подтверждение, но и, как правило, абсолютно уверены в том, что они соответствуют действительности.

Результатом неспособности наблюдателя пересматривать образ восприятия мира перед лицом новой, не укладывающейся в него информации, может стать искажение фактов или пренебрежение важной информацией.

Вместе с тем исследователи показали, что когнитивный консерватизм имеет и некоторое преимущество: он позволяет воспринимать социальный мир как согласованное и стабильное образование.

Исследование механизма стереотипизации при формировании первого впечатления о другом человеке позволяет адекватно ориентироваться в окружающем, быстро отнеся наблюдаемое лицо к той или иной категории и организовав межгрупповое общение с ним. Однако при переходе на уровень межличностного общения, требующего совсем иных механизмов, применение стереотипизации приводит к ошибкам и искажениям, которые исследованы психологами под обобщающим названием «эффект ореола».

Открытый еще в начале XX столетия, этот эффект описывает распространенную форму необъективности обыденного сознания, при которой общее изначальное впечатление наблюдателя о воспринимаемом человеке (благоприятное либо неблагоприятное) оказывает решающее влияние на все формирующиеся суждения о нем и на ожидания.

С эффектом ореола связан исследованный Ли Россом и другими авторами эффект «ложного согласия» — тенденция обыденного наблюдателя переоценивать процент людей, соглашающихся с ним по любому вопросу, вкладывая в поступки других собственные смыслы.

Как было показано, обыденные наблюдатели проявляют избыточную уверенность своих предсказаний в отношении других людей и себя. Они не способны осознать или сделать адекватную логическую поправку на то, что другие могут интерпретировать ту же самую ситуацию совсем иначе. Поэтому реальный уровень точности обыденных предсказаний в процессе взаимодействия субъектов редко приближается к уровню выражаемой ими уверенности [14].

Обыденным суждениям свойственен также феномен «иллюзорной корреляции» как тенденции видеть взаимосвязь между двумя явлениями, которая на самом деле отсутствует. Придавая решающее значение одним факторам ситуации и совершенно игнорируя другие, не менее значимые, наблюдатель под влиянием данного феномена искаженно воспринимает и оценивает социальную ситуацию и действующих в ней людей [2].

Ошибочная интерпретация ситуаций, возникающая на основе тенденциозности обыденного сознания, особенно ярко проявляется при конфликтном взаимодействии людей.

Социальные психологи обосновали феномен зеркальности искаженного восприятия другой стороны конфликта, который характеризуется примитивизмом и стереотипностью суждений, затрудненностью рационального мышления и приводит к формированию «образа врага».

Искажение восприятия другого в конфликте — это, по мнению Бронфенбреннера, «психологический феномен, не имеющий аналогов по трагичности последствий... потому что он характеризуется такими образами врага, которые самоподтверждаются» [10, 649].

Обыденному сознанию присуща тенденция при категоризации социального мира разделять его на «мы» и «они», «наши» и «не наши», а также благоприятствовать в оценке членам своей группы по сравнению с представителями других групп.

Согласно Дж. Тернеру, тенденция положительно оценивать собственную группу важна для индивида, чтобы позитивно оценивать себя, ибо чувство «мы» усиливает Я-концепцию каждого члена группы [10, 453].

Данное явление стало предметом многочисленных исследований с применением схемы, разработанной Тернером и Тэджфелом и получившей название «парадигмы минимальной группы» [2, 141–142].

Большой вклад в изучение особенностей обыденного познания внесли социальные психологи когнитивистской ориентации.

Согласно теории когнитивного соответствия, впечатления индивида о мире организуются в некоторые связанные интерпретации, в результате чего формируются различные «менталистские» образования, объединенные в структурированную систему (идеи, верования, ожидания, аттитюды). Эти образования и регулируют социальное поведение индивида, которое направлено на то, чтобы максимизировать внутреннее соответствие всей его когнитивной структуры.

Л. Фестингер, обобщив результаты многочисленных исследований, установил, что в случае столкновения двух когниций, психологически не совместимых между собой, люди испытывают состояние напряжения, дискомфорта — «когнитивного диссонанса». Для ослабления этого состояния они изменяют одну или обе когниции таким образом, что делает их более совместимыми друг с другом, либо дополняют их новыми когнициями, помогающими перекинуть мост через пропасть между исходными. Если под угрозой оказывается Я-концепция, то для уменьшения диссонанса люди склонны изменять даже самооценку [17].

Теория когнитивного диссонанса говорит о том, что на уровне обыденного сознания человек, как правило, не перерабатывает информацию о мире, о других и о себе объективно, а искажает ее в соответствии с собственными превратными представлениями. Принимая определенное решение, он склонен сосредоточивать свое внимание на положительных аспектах объекта своего выбора и преуменьшать позитивные качества отвергнутых альтернатив.

Вместе с тем есть немало эмпирических данных, свидетельствующих о том, что люди руководствуются в своих выборах и поступках не только тенденцией ослабления когнитивного диссонанса, но и стремлением вести себя рационально [2].

Следует отметить, что даже стремясь к рациональному поведению, обыденный человек обнаруживает весьма специфическую логику, которую Р. Абельсон и М. Розенберг назвали «психологика», состоящую из практических соображений, противоречащих правилам логики [1].

В завершение анализа особенностей социально-перцептивных явлений обыденного сознания особо выделим содержание важнейшего феномена — социальной категоризации, составляющей основу всей социальной жизни индивида, его повседневного взаимодействия с другими. Социальная категоризация выступает в качестве способа систематизации окружающей среды, который отвечает потребности людей в уменьшении ее субъективной сложности и заключается в отнесении каждого нового воспринимаемого объекта к некоторому классу подобных и уже известных ранее объектов.

А. Тэджфел, исследования которого по социальной категоризации рассматриваются как одно из наибольших достижений современной социальной психологии, определил этот феномен как «процесс упорядочивания окружающей среды в терминах категорий, то есть через группировку людей, объектов и событий так, как если бы они были подобны или эквивалентны одно другому в их отношении к индивиду» [13, 20].

Как установила Н. Кантор, обычный человек имеет богатый и хорошо артикулированный набор структурированного знания о самых разнообразных социальных ситуациях, о людях и особенностях их поведения. И это знание используется наблюдателем для интерпретации поведения других, в предсказании результатов взаимодействия с ними [7].

В каждодневной жизни люди не просто наблюдают социальные явления, но и анализируют их с целью осмысления сути происходящего, стремятся понять причины поведения других людей и, если информации оказывается недостаточно, приписать их, осуществив своеобразную достройку данных.

Как показал родоначальник атрибутивного направления в социальной психологии Ф. Хайдер, атрибуция, то есть обыденное объяснение социального мира, — это стержень его познания, основной способ его осмысления «человеком с улицы». Именно обыденное объяснение опосредует всю систему отношений людей с окружающим миром.

В отличие от научного объяснения, при котором сначала получается знание и лишь затем оно «накладывается» на действительность, обыденное объяснение немедленно подводит его под эталон и высвечивает смысл. Согласно Россу и Нисбетту, такое объяснение можно рассматривать как одну из разновидностей субъективной интерпретации, которую осуществляет субъект, принимающий решение о причинах прошлых событий и осуществляющий прогнозирование вероятности различных действий и результатов в будущем [14, 146–147].

Разработанные психологами-когнитивистами теории каузальной атрибуции пытаются возвести в ранг научного анализа неосознаваемые психические процессы, которые происходят у «наивного наблюдателя», осуществляющего осмысление причин поведения другого. По словам Г. Келли, теория атрибуции — это теория о том, как люди объясняют причины, как они отвечают на вопрос «почему» [18, 125].

В теориях Э. Джонса и К. Дэвиса, Г. Келли дается ответ на два кардинальных вопроса: как осуществляется сам атрибутивный процесс (какой житейской логике он подчиняется, каковы его этапы и компоненты); откуда обыденный наблюдатель «берет» приписываемые причины.

В модели «соответственного вывода» Э. Джонса и К. Дэвиса рассматриваются два этапа процесса — атрибуция интенций и атрибуция диспозиций: наблюдатель умозаключает, является ли совершенное действие намеренным или нет, и делает вывод о личностных диспозициях наблюдаемого лица. При этом источниками приписывания причины действия являются его уникальность (или типичность) и социальная желательность (или ее отсутствие).

Экспериментально доказано, что ролевое (типичное) поведение не требует развернутых объяснений со стороны наивного наблюдателя, а при уникальном поведении атрибутивный процесс приобретает развернутый характер.

На эту закономерность обыденного познания указывал и С. Л. Рубинштейн: «В обычных условиях процесс познания другого человека «свернут», лишь в случае наблюдения отклоняющихся образов он «разворачивается» [15, 180].

В теоретической модели Г. Келли информацию о поступке другого наблюдатель оценивает по трем показателям — согласованности (степени уникальности действия с точки зрения нормативного поведения), стабильности (степени изменчивости во времени подобных действий) и различиям (степени уникальности наблюдаемого действия по отношению к подобным объектам). Различные сочетания названных параметров, как свидетельствуют специальные эксперименты, позволяют обыденному наблюдателю локализовать причину совершенного другим действия в особенностях либо ситуации, либо личности, либо объекта, на который направлено действие.

Все теории атрибуции предполагают сложный анализ информации о совершенных действиях, который вполне доступен субъекту приписывания в экспериментальных условиях. Однако в повседневной жизни установление причинно-следственных связей, как правило, осуществляется иначе, чем в эксперименте. Атрибуция требует наличия достаточного времени и всей необходимой информации, соответствующей мотивации и определенных умственных способностей.

Мир социальных отношений чрезвычайно сложен, перегружен информацией, проблемами; глубоко задумываться над каждым своим выводом и решением обыденный человек не в состоянии и, как правило, к рациональному мышлению прибегает редко.

По словам Ш. Тейлор, люди — когнитивные скряги; они вечно экономят умственную энергию. В итоге — обыденные наблюдатели упрощают проблемы, используют шаблонные способы объяснения мира, приводящие к разнообразным искажениям [16].

Экспериментально исследованы информационные и мотивационные ошибки каузальной атрибуции, которые допускают наивные наблюдатели, оценивающие действия другого человека и свои собственные.

Э. Джонс и Р. Нисбетт, установившие разное приписывание причин поведения наблюдателем и деятелем, пришли к выводу о том, что атрибуция воспринимающего лица носит диспозиционный характер, а действующего — ситуационный. Назвав эту тенденцию фундаментальной ошибкой атрибуции, Ли Росс обосновал укорененность диспозиционизма в обыденном сознании и трудности его преодоления. Он показал, что «все люди — закоренелые диспозиционисты: они объясняют прошлые действия и результаты... исходя из предполагаемых личностных черт либо других хорошо различимых и устойчивых личностных диспозиций» [14, 164].

Экспериментально доказано, что обыденные наблюдатели, не склонные затрачивать больших интеллектуальных усилий на анализ происходящего, обнаруживают тенденцию скорее обращаться к суждениям о чертах личности, нежели принимать в расчет ситуацию. Они считают субъективную интерпретацию истинной, верят в собственную непогрешимость и абсолютную правоту, некритично относятся к собственным объяснениям.

Типичной категорией обыденного социального познания являются так называемые имплицитные теории личности, то есть предположения «наивного субъекта» о том, как в личности соотносятся друг с другом две или более черт (если есть одна черта, то следует предполагать и наличие другой).

Г. М. Андреева справедливо усматривает общее между имплицитной теорией личности и феноменом «иллюзорных корреляций», но в качестве специфики первого явления отмечает его более широкое содержание: здесь не просто присутствует идея о связи двух черт, а выражено представление о целостной системе организации черт внутри наблюдаемого лица (что порождает определенные ожидания относительно его поведения).

В исследовании феномена имплицитной теории личности Г. М. Андреева выделяет два подхода — традиционный и альтернативный. Первый рассматривает имплицитную теорию личности как присутствующее у каждого человека представление о психической организации других людей. Вторым подходом содержится в теории «личностных конструктов» Г. Келли, согласно которой каждому свойственна своя собственная система конструктов, при помощи которых он сравнивает между собой явления и процессы окружающего мира, в первую очередь — других людей [1].

Как считает Ли Росс, обыденный наблюдатель, руководствуясь имплицитной теорией личности, в очень важных личных и профессиональных ситуациях в своих суждениях склонен совершать серьезные ошибки [14].

Анализируя содержание различных явлений обыденного сознания, мы постоянно сталкивались с присущими ему погрешностями и недостатками. Однако есть основания утверждать, что существуют социально-психологические средства преодоления всех свойственных рядовым наблюдателям ошибок и искажений в их видении мира. Научно доказано, что чем с большими затруднениями сталкиваются люди при взаимодействии со значимыми другими, тем более серьезно начинают они подходить к поиску причин этих затруднений. И именно в таких условиях обыденная реальная атрибуция начинает напоминать идеальную атрибуцию, представленную в научных моделях (Ф. Хайдера, Э. Джонса и К. Дэвиса, Г. Келли).

Таким образом, в ситуациях жизненно важных, личностно значимых, люди могут преодолевать свою когнитивную ограниченность, избегать свойственных обыденному сознанию ошибок и искажений в объяснении социального мира и, благодаря этому, приходиться к взаимопониманию.

Исследования атрибутивных процессов, характеризующих обыденное сознание, являются ареной острой полемики между американскими и европейскими парадигмами в социальной психологии. Основные расхождения связаны с тем, что феномен атрибуции рассматривается американскими психологами как свойственный индивидуальному сознанию, фактически без учета принадлежности рядового наблюдателя к определенной социальной группе. Согласно европейскому подходу, индивид приписывает другому мотивы, качества, эмоции на основании представлений о той группе, к которой принадлежит этот другой.

Как считает С. Московичи, мы всегда сначала выясним, в какую группу включен человек, а затем начинаем приписывать ему причины его действий.

Группы принадлежности участников атрибутивного процесса — это не только малые группы, но и разные этносы, культуры; они и составляют тот «социальный контекст», на котором настаивают европейские психологи.

Следует отметить, что идея необходимости учета в атрибутивных процессах группового контекста была высказана в 1975 году Г. М. Андреевой, которая предложила теоретическую схему исследования социальной перцепции и доложила ее на XXII Международном конгрессе по психологии в Лейпциге в 1980 году [1].

Критикуя когнитивизм за «асоциальность», индивидуалистичность, Московичи и его коллеги вместе с тем призывают к интеграции двух подходов. Они отдают дань стремлениям когнитивистов постичь закономерности наивной психологии, филигранной экспериментальной технике изучения феноменов, убедительности установленных эмпирических результатов.

Образование устойчивой системы представлений людей о каком-то социально значимом объекте Московичи объясняет с чисто когнитивистских позиций: прививается то, к чему есть предрасположенность, что вписывается в уже существующую структуру. И формирование представления, и его включение в систему существующих категорий осуществляется по законам закрепления гештальта.

По мнению А. И. Донцова, включение понятия «представление» в концептуальный строй теории атрибуции существенно расширяет социальный контекст исследования атрибутивных процессов и дает ключ к пониманию их генезиса [5]. С. Московичи понимает социальные представления как сеть осмысленных понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной жизни людей в ходе межличностной коммуникации. Д. Жоделе, называя социальные представления «современной версией здравого смысла», «психологической необходимостью социальной жизни», определяет их как «свойства обыденного практического мышления, направленные на освоение и осмысления социального, материального и идеального окружения» [5, 36].

Социальное представление является процессом и продуктом ментальной реконструкции мира, активным созданием объектов, людей, событий. Оно трактуется Московичи как обобщающий символ, знак определенных явлений, как «система классификации и типологии личностей и событий» [20, 312].

Пластичность, подвижный характер социальных представлений делают его, по мнению Московичи, незаменимым звеном в структуре обыденного сознания.

Как показывает Г. М. Андреева, в ряде пунктов теория социальных представлений как бы смыкается с когнитивистскими теориями соответствия: логика построения сходна, однако в теории Московичи фиксируется не потребность человека в «соответствии», а его потребность понять смысл происходящего, преобразовывать «необычное» в «обычное». При этом подчеркивается, что социальное представление становится предметом научной психологии не в качестве индивидуального мнения человека, а как общее для определенной группы видение реальности, которое может противоречить взглядам, принятым в других группах, классах, культурах.

Г. М. Андреева полагает, что есть все основания считать теорию социальных представлений Московичи одним из вариантов постмодернизма в социальной психологии, не уступающим по значению поискам конструктивизма [1].

Большая часть рассмотренных нами явлений обыденной психологии предполагает наличие стабильного социального мира, который человек познает и в котором действует. И категоризация, и стереотипизация, и каузальная атрибуция, и другие явления формируются на основе стабильного жизненного опыта человека, фиксируют определенные устойчивые взаимосвязи в окружающем мире.

Однако реальность, кроме периодов стабильного существования, включает в себя и периоды острой дестабилизации, требующие специфических проявлений обыденного сознания. Так, А. Тэджфел раскрывает своеобразие осуществления процесса категоризации в условиях быстрых и радикальных изменений [1].

По словам П. Штампки, «социальная реальность — это не статическое состояние, а динамический процесс, она происходит, а не существует, она состоит из событий, а не объектов». И этот процесс должен конструироваться действиями людей, которые осмысливают сущность происходящих изменений [19, 266].

От современного человека в условиях нестабильных, неопределенных ситуаций требуется большая социально-психологическая компетентность, предполагающая преодоление когнитивной ограниченности обыденного сознания. А иначе у рядового человека исчезнет уверенность в том, что от него вообще что-то может зависеть в этой жизни, его рассуждения по поводу складывающихся ситуаций будут еще более упрощенными, в построении образа мира все более начнут доминировать свойственные обыденной психологии пристрастия, стереотипы, свехупрощения.

Таким образом, мы пришли к выводу, что обыденное знание направлено не на решение отвлеченных проблем, а на обслуживание повседневных потребностей рядового человека. Правила и закономерности обыденной психологии кажутся людям само собой разумеющимися, они свободно ими пользуются в зависимости от требований ситуации. Показано, что научная психология призвана исследовать специфику многообразных феноменов обыденного сознания, чтобы помочь людям избавиться от предрассудков, пристрастий, стереотипов, свехупрощений, ошибок в понимании социального мира.

Выполнен анализ социально-психологических исследований закономерностей таких компонентов структуры обыденного сознания, как социально-перцептивные феномены, атрибутивные процессы, имплицитные теории личности, социальные представления.

Список использованных источников

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. — М., 2005.
2. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. — СПб., 2006.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. — М., 1995.
4. Битянова М. Р. Социальная психология. — СПб., 2008.
5. Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. — М., 1987.
6. Калашникова Ю. А. Проблема имплицитных теорий личности//Мир психологии. — 1999. — № 3.
7. Кантор Н. Восприятие ситуаций: прототипы ситуации и прототипы человека в ситуации// Психология социальных ситуаций. — СПб., 2001.
8. Келли Г. Процесс каузальной атрибуции//Современная зарубежная социальная психология: Тексты. — М., 1984.
9. Крижанская Ю. С., Третьяков В. П. Грамматика общения. — М., 1984.
10. Майерс Д. Социальная психология. — М., 1997.
11. Ойзерман Т. И. Философия и обыденное сознание//Вопросы философии. — 1967. — № 4.
12. Петренко В. Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. — М., 1983.
13. Психология социальных ситуаций. — СПб., 2001.
14. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. — М., 1999.
15. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. — М., 1960.
16. Тейлор Ш. Пипло Л., Сирс Д. Социальная психология. — СПб., 2004.
17. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. — СПб., 1999.
18. Шихирев П. Н. Современная социальная психология. — М., 1999.
19. Штампка П. Социология социальных изменений. — М., 1996.
20. Introduction a la psychologie sociale/Ed. by S. Moscovici. — P., 1972.

А. Бефани

кандидат психологічних наук, доцент

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

ЯВИЩЕ БУДЕННОЇ СВІДОМОСТІ ЯК ПРЕДМЕТ СОЦІАЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ

Резюме

У статті розкритий зміст важливої складової предмета соціальної психології — закономірностей таких явищ буденної свідомості, як соціально-перцептивні феномени, атрибутивні процеси, імпліцитні теорії особистості, соціальні уявлення.

Ключові слова: буденна свідомість, соціально-перцептивні феномени, каузальна атрибуція, імпліцитна теорія особистості, соціальна уява.

A. Befani

PhD, Docent

Odessa National I. I. Mechnikov University

THE PHENOMENA OF ORDINARY CONSCIOUSNESS AS A SUBJECT OF SOCIAL-PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

Summary

The article discloses the content of an important component of the subject of the social psychology of — laws of such phenomena of ordinary consciousness, as social-perceptual phenomena, the attribute processes, implicit personality theory, and social phenomena.

Key words: ordinary consciousness, social-perceptual phenomena, causal attribution, implicit personality theory, social phenomena.